

Аюшеева М. В.

«ПРАВДИВЫЕ ЗАПИСИ О МОНГОЛАХ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ» КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО БУДДИЗМА¹

Статья посвящена обзору истории монгольского буддизма на основе памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи». Выявлена роль буддийских священнослужителей в установлении и укреплении маньчжуро-монгольских отношений. Дана оценка деятельности Чаган-ламы, основателя линии перерожденцев, постоянно пребывающих в Пекине. Отмечено, что несмотря на формат изложения и отрывочность сведений по истории монгольского буддизма, «Правдивые записи» являются важным источником, отражающим трансформацию взглядов маньчжурских императоров на буддийскую религию и лам: от терпимости к подержке, от пренебрежения до возвышения.

Ключевые слова: история буддизма, монголы, Чаган-гэгэн, Цинская империя, ламы

Ayusheeva M. V.

«TRUE RECORDS ABOUT MONGOLS OF THE QING DYNASTY»
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF MONGOLIAN BUDDHISM

The article is devoted to a review of the history of Mongolian Buddhism based on the monument «True records of the Mongols of the Qing Empire». The role of Buddhist clergy in the establishment and strengthening of Manchu-Mongolian relations is revealed. An estimation of the activities of Chagan Lama, the founder of the line of reincarnations constantly residing in Beijing, is given. It is noted that despite the format and fragmentary information on the history of Mongolian Buddhism, the «True Records» is an important source reflecting the transformation of the views of the Manchu emperors on the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-59-94006 «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)».

Buddhist religion and lamas: from tolerance to support, from neglect to veneration.

Keywords: History of Buddhism, Mongols, Chagan-gegen, the Qing empire, lamas

Введение нового корпуса источников в научный оборот расширяют имеющиеся сведения по истории культуры монгольских народов, а также позволяют уточнить биографические данные ряда исторических лиц и их роль в установлении маньчжуро-монгольских отношений.

«Правдивые записи о монголах Цинской империи» представляют собой выдержки из объёмного труда по истории Цинской империи «Правдивые записи о династии Цин». Данный источник формировался на базе официальных документов (императорских указов, донесений) и изложение в нем исторических фактов и событий отражает известную имперскую окраску. Историографы Цинской империи тщательно подходили к включению в официальную историю тех или иных событий, но при этом не всегда подробно указывались титулы и имена упомянутых лиц. Более подробному описанию подлежала история установления отношений, подчинения новых подданных, поднесение ими повинностей, усмирение несогласных, раздача милостей, титулов, изложение провинностей и назначения наказаний. В целом, данный памятник позволяет проследить формирование имперской политики, использование тех или иных методов в установлении политических отношений и является важным источником, отражающим трансформацию взглядов маньчжурских императоров на буддийскую религию и ламства: от терпимости к поддержке, от пренебрежения до возвышения.

Следует отметить, что покровительство религии в той или иной мере присутствовало на протяжении всей истории цинской империи. Однако, модель религиозно-государственных отношений, сложившаяся в период династии Юань, «лама, владыка верховной

религии - хаган учения, хаган, владыка великого правления – могущественный повелитель вселенной» [Šayan teüke, 2001: 73] была заменена на непререкаемую власть маньчжурского императора. Неоднократно подчеркивалась незыблемость ханской власти, единственной, способной / могущей разрешить проблемные вопросы в религиозных делах. Император Дэгэду Эрдемту (Тай-цзун, 1626-1643), разясняя свой указ, регламентирующий образ жизни и количество монахов, произнес: «По воле Неба я стал правителем большого государства, объединившим многие народы. Говорят, что вы [буддийские ламы] нарушаете монашеские правила... Кто, кроме меня, исправит это?» [Daičing ulus-un mongγol-un maγad qauli, 2013: 192].

В материале, охватывающем годы правления первых маньчжурских императоров, упоминания о буддизме и ламах не многочисленны. Например, в 1622 г. Тай-цзу, обращаясь к нойонам уратского племени, восхвалял порядки своего государства: «закон нашего государства справедлив и надежен», при этом подчеркивал, что Небо благоволит маньчжурам и порицает монголов: «небо осуждает то, что ваши монголы с четками в руках читают молитвы, думая, что вокруг нет воровства и обмана» [Daičing ulus-un mongγol-un maγad qauli, 2013: 18]. В 1627 г. при установлении отношений с монгольским найманским Гунчус-багатуром Тай-цзун выразил недоверие послу – буддийскому священнику: «Ты послал к нам умдзад-цорджи-ламу с предложением заключить мир. Если это действительно так, то ты, Гунчус-багатур, посоветуйся с аоханскими Дугурэном и Сэчэн-дзоригту и пришли к нам **знающего человека** [выделено мной – А. М.]».

Это и другие высказывания императоров свидетельствуют о таком, пока еще мало сформированном инструменте в политике маньчжуров, как использование буддийского фактора. На раннем этапе подчинения и привлечения монгольских нойонов на свою сторону маньчжуры, согласно источнику, придерживались шаманской идеологии, для заключения мирных отношений произноси-

лись клятвы, обращенные к Небу и Земле. Так, при установлении перемирия с хорчинскими нойонами были принесены в жертву белая лошадь и черная корова и произнесена следующая клятва: «Мы, два народа – маньчжуры и хорчины, будем действовать сплоченно против унижающих нас чахаров. Заверяя в этом, клянусь Небу и Земле. Если впредь маньчжуры, попавшись на уловку, установят торговые отношения с чахарами в обход хорчинов, пусть Небо и Земля осудят их и зачтут им это за грех. Пусть их побелевшие кости и пролившаяся кровь уйдут под землю» [Daičing ulus-un mongyol-un maγad qauli, 2013: 21].

В то же время «Правдивые записи о монголах Цинской империи» свидетельствуют о широком распространении буддизма среди монгольских племен к моменту интенсификации монголо-маньчжурских отношений в первой половине XVII в. О постепенном увеличении религиозного фактора в политике маньчжуров можно судить по дарам, которые подносили императору, и по императорским наградам, поощрениям за хорошую службу и оказанные услуги государству. Если в первые годы становления маньчжурского государства преобладали дары в виде скота, шкур, серебра, доспехов, шелка, то постепенно среди подносимых вещей стали присутствовать религиозные предметы – янтарные, жемчужные, коралловые четки, скульптуры божеств. Также при перечислении даров, пожалованных императором, стали упоминаться те же четки, хадаки, скульптуры и прочие религиозные атрибуты.

Необходимость нарочитого покровительства буддийской религии отразилась и в почитании скульптуры божества Гур Махакалы. В памятнике подробно описана история изготовления, почитания и обретения данной святыни. Известно, что во времена правления Хубилай-хана данное божество по заказу Пагба-ламы было отлито из 1000 ланов золота. Первоначально скульптура Гур-Махакалы была объектом поклонения на Утайшане, затем ее перевезли в монгольские земли Сакия, а оттуда Шарба-хутухта перевез Гур-Махакалу к чахарам. После бегства чахарского хана Мэргэн-лама

доставил золотую статую Гур-Махакалы в Мукден. Согласно «Правдивым записям» это событие состоялось в день красной курицы последнего зимнего месяца 8 года правления Сэцэн-хана (1634 г.). Для встречи делегации, сопровождающей скульптуру буддийского божества, император направил процессию во главе с Биликто-ламой. Для размещения Гур-Махакалы был выстроен монастырь на расстоянии трех гадзаров² от Мукдена. При этом для покраски в желтый цвет этого и других монастырей император затребовал доставить краску от корейского хана. Со временем прибывающие на аудиенцию монголы стали совершать поклонения в этом храме, здесь же проходили приветственные пиры.

Постепенно, буддийские ламы стали частыми посредниками между монголами, тибетцами и маньжурами. В «Правдивых записях о монголах Цинской империи» упоминаются умзад-цорджи лама, Бай-лама, Ли-лама, Манджушри-хутухту-лама, Чаган-лама, Дзайсан-лама, Мэргэн-лама, Билигто-нансо, Уйджен-нансо, Гундин гуши, Илагугсан-хутухту, Гоман-цорджи-лама, олетский гуши Сэцэн-цорджи или просто тангутский лама, цорджи-лама, нансо-лама и многие другие. Среди перечисленных в памятнике буддийских священнослужителей есть как известные исторические деятели, так и упомянутые однократно и не выявляемые по другим источникам: летописям, биографиям, историям монастырей, историческим документам. Особо отличившихся лам одаривали подвластными людьми, для них строились монастыри, назначалось государственное содержание. Также за заслуги перед государством буддийским священнослужителям присваивались различные звания и титулы. Так, согласно «Правдивым записям» в 1639 г. за открытие торговли в Чжанцзякоу Уйджэн-нансо-лама был удостоен титула «дархан», награжден собольей шубой и 100 ланами серебра.

² Гадзар – мера длины равная 576 м.

При прибытии ко двору именитых лам отправлялись специальные посольства для встречи за несколько дней пути и оказания почестей, тем самым подчеркивалось благожелательное отношение императора.

Одним из почитаемых лам, деятельность которого описана в памятнике, является ару-хорчинский Чаган-лама. О нем в «Уложении китайской палаты внешних сношений» сказано следующее: «Что касается до Чаган Ламай хубилган дархан чорцзи; то надобно прежде объяснить услуги, оказанные им нашему государству. Он при самом начале нашего владетельного дома приехал добровольно в Столичный наш город и признал над собою высочайшую власть наших великих предков. После того не преставаая содействовать им во всем, клонящемся к чести и славе их, отличил себя вновь, особенно во время продолжавшихся тогда военных действий в Тибете или западном Цзане. За сие услуги пожалован ему в 13 лето (1656 года) царствования Ицзисхун дасан (так писались годы царствования первого Маньчжурского Хана в Китае) титул *Дархан*, на которой дана ему грамота при особенном указе» [Уложение..., 1828: 236-237]. Далее перечислены первые шесть перерождений Чаган-ламы и их заслуги перед маньчжурским государством. Так, через год после смерти Чаган-ламы в 1662 г. среди монголов туметского племени³ был выявлен его перерожденец – Лубсандамбиджалцан. Он так же, как и его предшественник, имел заслуги перед маньчжурским государством, умер в 1699 г. Третий образ Чаган-гэгэна родился в Тибете в 1700 г. Его звали Лубсанджамцо. Имел поощрения от императора за государственную службу, умер в 1721 г. Четвертый Чаган-гэгэн Агванданзандорджи родился в Тибете в 1722 г. Он, как и предыдущие перерождения, пребывал в Пекине. Умер в 1785 г. Пятый перерожденец Йешипринлайрабжай родился в Ару Хорчине в 1786 г. Умер в 1798 г.

³ Согласно данным словаря Содобилига, второй образ Чаган-ламы возродился в Тибете [Sodubilig, 1996: 389-390].

Шестой Чаган-гэгэн Агвангончигпринлайджамцо также родился в Ару Хорчине в 1799 г. За заслуги перед императором получил титул «хутукту» в 1834 г. Умер в 1836 г. [Уложение..., 1828: 236-237].

Седьмой перерожденец Чаган-ламы Джамьяндандзинёндон-принлай родился в Ару Хорчине в 1837 г. В его управлении находились монастыри столицы и хошунов Внутренней Монголии. Умер в 1876 г. Восьмой перерожденец Агванйеширагбасэнгэ родился также в хошуне Ару Хорчин в 1876 г. Проходил обучение в тибетском монастыре Гумбум, после завершения обучения вернулся на родину. На жизненные вехи этого гэгэна выпала служба при Дайцинской империи, Китайской народной республики, псевдоманьчжурском государстве. Умер в 1944 г. Девятый образ Чаган-гэгэна по имени Нарасу был выявлен в 1945 г. [Sodubilig, 1996: 389-390].

По данным «Уложения палаты внешних сношений» Чаган-лама на свои средства построил монастырь на месте, выделенном ему императором. Монгольскому хошуну с окаймленным желтым знаменем было предписано содержание и выплата жалованья ламам серебром и сарацинским зерном [Уложение..., 1828: 236-237]. Также в «Монгольских законах» регламентировано количество лам, получающих жалованье, в монастыре Чаган-ламы: «15 мест с получением ежемесячного жалованья в 2 лана, 250 лам с жалованьем в 1 лан. Также среди них должны быть 3 места для гелонгов, 8 банди, 1 дэмчи, 2 гэсхуя получающих жалованье по 1-2 лана»⁴ [Mongγol čaγajin-u bičig, 56 debter: 16v-17r].

В «Правдивых записях о монголах Цинской империи» деятельность Чаган-ламы и его заслуги перед государством раскрыты более подробно. В 1630 г. Чаган-лама сопровождал нойонов северно-

⁴ В переводе С. Липовцова о монастыре Чаган-ламы сказано следующее: «В м. Чахан Лама и чжуктехень: лам, получающих по 2 лана в месяц – 15, лама, получающий по 1 лан – 250, лам гелунов на казенном содержании – 6, лам банди на таком же положении – 4» [Уложение, 1828: 183].

го исудского племени, сбежавших от чахарского хана. В 1636 г. император повелел Чаган-ламе вместе с Эрдэни-нансо и другими возглавить торговый караван, направленный к воротам крепости Шургу государства Мин. В том же году, когда стало известно о смерти Манджушри-хутухты, Чаган-лама и Биликто-нансо были отправлены для удостоверения и выражения почестей. Затем Чаган-лама во главе 64 человек был послан в Халху для доставки ответных даров Махасамади Сэцэн-хану: «Они повезли резные седла, пояса, мечи, колчаны, луки, золотую и серебряную посуду, коралловые четки, крытые сукном собольи шубы, [куски] различных шелков, черной ткани, а также серебро с тем, чтобы наградить в зависимости от ранга Махасамади-хана, тайджи и сановников» [Daičing ulus-un mongyol-un mayad qauli, 2013: 157].

Чаган-лама привлекался маньчжурским двором не только для решения политических дел, но и для урегулирования вопросов буддийской веры. В 1638 г. Чаган-лама, Дайчин-нансо, помощник управляющего Лифаньюаня Нихан, адъютант первой степени Обуда и Шаджидару отправились в Хухэ-хото к Ширэгэту-цорджи, чтобы огласить императорский указ о необходимости соблюдать религиозные заповеди, о регламентации численности монахов в монастырях. После проведенной проверки мужчины, годные к облавным охотам (к военным походам) были выдворены из монастырей, а плененные китайцы и корейцы, находившиеся в услужении при ламах, возвращены хозяевам.

В 1639 г. Чаган-лама в составе посольства ездил к тибетскому хану, помимо письменного послания ему были даны наставления, требующие устной передачи. Маньчжурский император был заинтересован в приглашении высших буддийских иерархов и ученых лам с целью распространения учения среди подвластного народа. Из императорского послания: «Необходимо повсеместно утверждать связь религии и государства, установленного благодаря древнему религиозному учению. Я хотел бы пригласить выдающихся мудрецов для того, чтобы процветали вера и закон»

[Daičing ulus-un mongyol-un mayad qauli, 2013: 205]. В 1643 г. Чаган-лама вновь был послан в Тибет, сопровождая посольство тибетского далай-ламы во главе с Илагугсан-хутухту. На этот раз Чаган-лама и другие везли послания «во имя распространения буддийского учения ради блага для всех живых существ» к Далай-ламе, Панчен-хутухту, ламе красношапочников Гарме, Цзидун-хутухту, амбаню Сасы, Брогба-хутухту, Даглун-хутухту, Рцанбахану и Гуши-хану, т.е. ко всем крупным тибетским владетелям.

Чаган-лама имел поощрения от императора, помимо присвоения титула дархан и выделения земли, в источнике упоминаются награждение в 1642 г. подвластными людьми: ему были выделены 3 мужчины, 3 женщины и ребенок.

По примеру Чаган-ламы, многие другие священнослужители прибывали к маньчжурскому двору и прилагали много сил для процветания нового государства и религии.

Также, как и описание деятельности отдельных лам, вопросы законодательного регулирования буддийской церкви в «Правдивых записях» затронуты фрагментарно. О необходимости составления правил государственного религиозного управления говорилось в указах первых императоров. В 1631 г. император Тай-цзун предписал произвести учет служителей культа и имеющихся монастырей, выявить незаконно построенные монастыри и наказать виновных. Было запрещено самовольно возводить новые храмы, особенно на пахотных землях. Тем же указом были регламентированы правила строительства новых, отдельное внимание было уделено соблюдению ламами монашеской дисциплины: «Настоящие ламы, послушники и монахи пусть живут в монастыре, расположенном вне пределов города в уединенном месте. Не нарушайте святое учение, подпуская к себе женщин. Пусть берут жен те, кто обманым путем стали ламами, послушниками и монахами, не имеют чистых помыслов и, сблизившись с женщинами, нарушили святое учение» [Daičing ulus-un mongyol-un mayad qauli, 2013: 63].

Более того, в императорских указах присутствовало осуждение излишней веры монголов в лам. В наказе чиновнику Джангэ, направленному в хучидский и другие хошуны для разъяснения законодательства в целях предотвращения воровства, было сказано: «Монголы излишне верят ламам, не думая о том, какие они. Следует указать им на это. Если ламы будут нарушать закон, незамедлительно наказывайте их...» [Daičing ulus-un mongyol-un maγad qauli, 2013: 846].

Во время военного похода 1632 г. против чахарского хана были оглашены специальные инструкции войскам о недопустимости разрушения и грабежа монастырей. Захвату в качестве добычи могло подлежать имущество и скот беглецов, скрывавшихся в монастырях, но никак не религиозные реликвии. Нарушение данного указа влекло за собой строгое наказание в виде ударов плетью, прокалывания носа и ушей и вплоть до смертной казни.

Завоевание новых территорий и подчинение новых народов формировали новое государство – маньчжурскую империю, с новой имперской идеологией, в которой весомое место занимали вопросы буддийской религии. Рассматриваемый памятник «Правдивые записи о монголах Цинской империи», содержащий «повседневную» историю становления империи Цин, является ценным источником по истории монгольского буддизма.

Литература и источники

1. Пурбуева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» - источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 113 с.

2. Daičing ulus-un mongyol-un maγad qauli (Правдивые записи о монголах Цинской империи). Т. 1. Хухэ-хото: издательство просвещения Внутренней Монголии, 2013. 1236 с.

3. Mongyol čaγajin-u bičig / Jarliy-iyar toγtayaysan γadayatu mongyol-un törü-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüil-ün bičig. 56-γar debter. blam-a nar-un kereg-ün qauli. terigün // Монгольский фонд ЦВРК ИМБТ. Инв. № М-1-637. 41 f.

4. Sodubilig. šasin-u toli. öbür mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 1996. 252 q.

5. Čayan teüke – «Белая история» монгольский историко-правовой памятник XIII – XVI вв. / Балданжапов П. Б., Ванчикова Ц. П. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 200 с.

6. Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчжур. Степан Липовцов. СПб.: тип. Департамента народного просвещения, 1828. Т. 2. 319 с.

References

1. Purbueva Ts. P. «Biografiia Neidzhi-toina» - istochnik po istorii bud-dizma v Mongolii. Novosibirsk: Nauka, 1984. 113 с.

2. Daičing ulus-un mongyol-un maγad qauli (Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii). T. 1. Khukhe-khoto: izdatel'stvo prosveshcheniia Vnu-trennei Mongolii, 2013. 1236 s.

3. Mongyol cayaγin-u bicig / Jarliy-iyar toγtayaysan γadayatu mongyol-un turu-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli juil-ün bicig. 56-γar debter. blam-a nar-un kereg-un qauli. terigun // Mongol'skii fond TsVRK IMBT. Inv. № M-I-637. 41 f.

4. Sodubilig. sasin-u toli. ubur mongyol-un suryan kumujil-un keblel-un qoriy-a, 1996. 252 q.

5. Čayan teuke – «Belaia istoriia» mongol'skii istoriko-pravovoi pamiatnik XIII – XVI vv. / Baldanzhapov P. B., Vanchikova TS. P. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2001. 200 s.

6. Ulozhenie Kitaiskoi palaty vneshnikh snoshenii / Per. s man'chzhur. Stepan Lipovtsov. SPb.: tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1828. Т. 2. 319 с.